

УДК 811.161.1-112'23

Г. С. Яроцкая

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кандидат філологічних наук, доцент,
доцент кафедри прикладної лінгвістики

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К СОБСТВЕННОСТИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Целью данной работы является анализ языковой объективации когнитивных признаков «собственности» в исторической перспективе. Материалом исследования явились данные толковых словарей древнерусского языка. В результате проведенного анализа делается вывод о наличии идеи объединения власти и собственности в языковом сознании в единое целое, что, возможно, говорит об архетипической черте, сохранившейся в современном русском языковом сознании – когнитивной пресуппозиции монополии власти на ресурсы хозяйственной (экономической) деятельности государства и личности в обыденном экономическом сознании носителей русской лингвокультуры.

Ключевые слова: *собственность, древнерусский язык, лингвокультура.*

Согласно исследованию Е. В. Бабаевой, признак отношения к собственности имеет сложную структуру, в которой выделяются 1) место собственности в системе ценностей, 2) виды отношения субъекта к собственности, 3) виды квалифицируемой собственности, 4) отношение социума к нормам собственности [2, с. 7].

В данной работе, целью которой является анализ языковой объективации собственности в русском языке в исторической перспективе, мы ориентируемся на данные толковых и этимологических словарей и на историко-культурные факты существования государства Киевская Русь и Московского государства.

Поскольку концептуализация собственности неразрывно связана с осознанием своей личной сферы, противопоставляемой общественной сфере, в социологическом аспекте она рассматривается как механизм, регулирующий взаимоотношения индивида и общества, призванный скорректировать давление общества на отдельного человека. Смысл изучаемого понятия меняется вместе с эволюцией общественных форм, по мере их движения от простых к сложным. Так, примитивные общества, в частности, древнерусское общество характеризуется превалированием коллективных интересов и меньшей потребностью в приватности как регулирующем факторе. Ценность общинности, солидарности превалирует над ценностью суверенитета личности, и по сути является антиценностью для древнерусского сознания. Обособление, отчуждение от коллектива (мира, рода) имело негативную оценочность – *выродок, урод, отродье*, позднее – в глаголе *отчеститися*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в русском языке само слово *собственность* появилось позднейшим образованием и его значение существенно отличалось от западноевропейских аналогов [2; 4].

П. Я. Черных указывает, что основа слова *собственность* та же, что в возвратном местоимении *себе* и в словах *особа, особь* [10, т. 1, с. 423]. *Собь* В. Даль трактует так: «*Собь* – все свое, имущество, животы, пожитки, свойства нравственные,

духовные и все личные качества человека, особенно все дурное, все усвоенное себе по дурным наклонностям, соблазнам, страстям» [6]. А слова «*собливый*», «*собчивый*», «*собистый*» означают «корыстного скопидома, скопляющего себе собинку». Среди значений местоимения «*свой*» В. Даль указывает следующее: «Своё – природное в человеке, нравственная порча, пороки, самые страсти, собь, все, что должно быть побеждено духом для возрожденья» [6]. Как видим, даже в нейтральном для нас слове *собственность* спрятана отрицательная эмотивно-оценочная коннотация.

Говоря о языковой концептуализации собственности, следует вспомнить о широко известной в лингвистике теории «*быть*»-языков и «*иметь*» языков (*esse-языки* и *habeo-языки*), которая связана со способом выражения в том или ином языке идеи обладания: к *esse-языкам* относят языки, в которых идея обладания выражается через идею бытия. Так, например, в русском языке идея обладания передаётся через идею бытия (*У меня есть ручка*). При этом глагол *иметь* в прямом значении обладания практически не употребляется, хотя в грамматике языка не существует «запретов» на выражение *Я имею ручку*. В речевом узусе подобные высказывания воспринимаются как грамматические аномалии; скорее диагностируют речь иностранца, использующего буквальный перевод с родного (западноевропейского) языка. Представляется, что эти два типа грамматической передачи идеи обладания существенно различаются в содержательном плане. По мнению Т. Б. Радбиля, смысл активной конструкции с *иметь* заключается в том, что я активно участвовал в приобретении чего-либо, ориентирован на присвоение окружающих вещей не только в физическом, но и в ментальном плане [5, с.145]. В связи с этим Э. Фромм в своей знаменитой работе «*Быть или иметь?*» указывал, что этот факт наводит на мысль, что развитие слова «*иметь*» связано с развитием частной собственности [9]. В конструкции с *быть* (типа *у меня есть*) субъект, выражая обладание через идею соположения в пространстве (*у меня есть*, т. е. рядом), видит источником собственности не вполне контролируемые обстоятельства. В *быть-языках* ослаблена идея обладания, собственности, ср. например, отрицание стяжательства и накопительства в русской культуре, наличие у слова *собственность* негативной коннотации. Языки, где идея собственности была ментально активна, наоборот, вытеснили пассивное состояние *быть* активным действием *иметь* даже из тех сфер, где непосредственно идея обладания отсутствует. В современных западных языках идея обладания выражается через глагол *I have* (в английском). Кроме того, эта идея настолько важна, что глаголы этого типа десемантизируются и становятся связками. Это означает, что идея обладания приобретает черты облигаторного выражения носителями языка даже в тех ситуациях, когда по логике события реальное обладание отсутствует.

Концептуализация собственности в русском языковом сознании связана с концептуализацией власти, так как право собственности есть право владения (ср. укр. *власність* от *власть*, *володіти*). Важнейшим объектом собственности для хозяйственной деятельности в земледельческих культурах была земля, поэтому право владения землёй в сознании русских было связано с понятием земледельческого труда.

Собственность и права собственности концептуализировались в виде идеи пользования, владения, держания некоторого имущества, по существу принадлежащего дружине. Вербальные репрезентанты *имение* (в значении ‘имущество’), *володарь* (позже *владелец*, *владарь*), в значении ‘собственник, управитель и хозяин’ свидетельствуют о том, что в одной лексеме присутствовали два значения,

объединяющие понятия «имеющий власть» и «имеющий собственность». Собственник – *володатель, володарь* имущества и он же *правитель* «хозяин».

Таким образом, в древнерусском языковом сознании не разделялись такие понятия, как право владения, право пользования и право распоряжения. Понятие *власть/волость, владение* синонимично *держанию*, распоряжению имуществом мира, дружины (ср. *держание* = *владение, самодержавие, самодержец*). Нет ни одного лексического свидетельства, говорящего о том, что понятие собственности в языковом сознании разграничивало эти права. Вероятно, в этом сказывается прямое влияние традиций крестьянской общины, «мира», на которых основывалось решение всех вопросов собственности.

Отождествление языковой концептуализации власти и собственности (материальных ценностей) как единого целого, подтверждается ещё и тем, что главный хранитель царских сокровищ именовался *властохранителем* (ср. *властохранитель*, м. Главный хранитель царских сокровищ [7, вып. 2, с. 221]). Существительное *властохранитель* явилось лексическим прототипом казначея. В 1537 году правительство создало центральное финансовое ведомство – *Казну* (или Казенный приказ). С появлением лексем *казна, казначей, казначейство*, вошедших в эволюционный семиотический ряд концептуального пространства «государственная собственность» – *министерство финансов, фонд государственного имущества, национальный банк* и т. д., прилагательное *казённый* употреблялось в значении «государственный» [7, вып. 7, с. 21–23]. Таким образом, особенностью концептуализации собственности в древнерусском языковом сознании является соединение когнитивных признаков собственности и власти в одной номинативной единице.

Основной единицей, которой актуализируется концептуализация собственности, является лексема *имущество*. Однако архаизмом, этимологически родственным современной *собственности*, является лексема *собина*. Именно так передавалось значение «собственность», по мнению составителей СЦСРЯ, ср.: *собина* 1. стар. Собственность 2. что-нибудь собственно для себя накопленное, сбережённое Это моя *собина*. *Собинка. Собинный* – стар. Собственный [8, т. 3, с. 350].

Концептуализация собственности связывает посессивными отношениями владельца/хозяина и его имущество, под которым понимаются материальные объекты, обеспечивающие жизнедеятельность человека. Экономического смысла концептуализация собственности в древнерусской лингвокультуре допетровского периода не имеет (несмотря на существование лексем *празга* – плата за наём, арендная плата, *празговати* – арендовать, *празговый* – относящийся к аренде [7, вып. 18, с. 126], *аренда*, которая впервые фиксируется в 1645 г. [7, вып. 1, с. 46]. Только в петровскую эпоху заимствованы *посессия, посессионное право* и др., то есть вводятся соответствующие институты, регулирующие отношения собственности). Иначе говоря, отношения собственности, сложившиеся в обществе развитых рыночных отношений (где право собственности интерпретируются как охраняемое законом право владеть, уничтожать, продавать, передавать разными способами другим собственникам, свободно распоряжаться ею, когда собственник вещи может быть легально изменен, причем этот процесс передачи собственности субъекту должен иметь некоторый хозяйственный смысл), не были сформированы в древнерусской экономической культуре. «Крестьяне справедливо признают, – отмечал исследователь юридических обычаев русской деревни И. Г. Оршанский, – что личность и имущество их существуют главным образом для их пропитания, то есть поддержания необходимой для страны рабочей силы, и затем для отбывания казенных

повинностей» [цит. по: 4]. Имущество крестьянского двора, государства лишь весьма условно может быть названо собственностью. Толкование понятия «право собственности» в древнерусской лингвокультуре соответствует значению лексемы *монополия*, т.е. «неотчуждаемое в рамках установленного порядка условие, средство деятельности, некоторое неотъемлемое вещное продолжение субъекта, без которого воспроизводственная деятельность невозможна». Монополия незыблема и меняется лишь в результате конфликта, нарушения порядка, обычая, закона.

Возможно, экономический смысл понятия «собственность» возникает с появлением заимствованной лексемы *монополия*, фиксируемой с XVII века. Концептуализация собственности приравнивалась к семантике лексемы *имущество*, что означало нечто материальное, принадлежащее кому-либо, – вещное продолжение субъекта, а право собственности как монополия. Отсутствие экономических и юридических смыслов в концептуализации собственности связано с неразвитостью правовых институтов, регулирующих нормы экономических отношений собственности в древнерусском государстве.

Из исторических источников известно, что Иван Калита не только присоединял, но и покупал земли удельных князей. Земля становилась товаром, что тоже способствовало ее мобилизации в княжеских руках. Монопольная власть царя стала распространяться на землю (земля стала собственностью – «*отчиной*» царя в XV-XVI веках), почти на все производство, что имело место в XVI и XVII веках. По свидетельству историков, «издав серию указов по конкретным промыслам, монархия ввела на них царскую монополию и таким образом устранила угрозу конкуренции со стороны частных лиц... Точно так же, как *самодержец* ранее сделался крупнейшим землевладельцем страны и, де-юре, собственником всех поместий, царь стал теперь единоличным собственником всех отраслей промышленности и шахт (как де-юре, так и де-факто), монополистом во всех областях коммерции, не считая самых мелких» [1]. Правители считали монополию на производительное богатство страны естественным дополнением самодержавия: ср. *вседержатель*, *самодержитель*, *самодержец*, *всеобдержай*, *всеобладатель* и т. д.

Земля как объект присвоения считалась *вековой царевой*, крестьяне как субъекты присвоения самих себя считали *вековыми царевыми*, целью присвоения считалось *тягло*. *Крепость* помещику воспринималась крестьянами как функция государственной, а не экономической власти – «*Мы ваши, земля наша*».

Данные концептуального анализа сопоставимы с выводами экономистов, которые утверждают, что отличительными чертами отношений собственности, традиционно существующих в Российском государстве еще со времен Древней Руси и укреплявшихся и при становлении Московского государства, и в петровский и послепетровский периоды, являются: во-первых, преобладание государственной собственности; во-вторых, неопределенность и размытость прав собственности на землю и другие объекты; в-третьих, тесная взаимозависимость власти и собственности; в-четвертых, служебный характер собственности, означающий, что она должна использоваться на службу государству, по предписанным, согласованным правилам и по определенному назначению [4].

Появление лексемы *собственник* в русском языке, ставшей в один эволюционно-семиотический ряд с *господарь*, *владетель*, *хозяин*, *владелец*, *властитель*, ... *собственник* и т.д., можно рассматривать как результат семантического калькирования, то есть заимствования из французского языка, о чём говорится в работе В.В. Виноградова: «Лишь в 40–50-х гг. сложилось слово *собственник* для передачи

того поняття, которое соответствовало основному значению франц. *Propriétaire*. «*Administration* издатели переводят: *управление*; но слово *administrateur* не переводят *управитель*, а *правитель*; иногда же *народоправитель*, чтоб избежать обоюдности; ибо слово *управитель* у нас в другом смысле берется. Например: мы говорим: *управитель деревни*, *управитель дома* и пр. Сверх того, надобно перевести *administration* так, чтоб перевод отличал значение онаго от слов: *gouvernement*, *directoire*, *direction*» (там же, с. 235–236) [цит. по: 3]. Таким образом, объективация новых когнитивных признаков в слове *собственник* обусловлена импортом экономического смысла, вербализованного в лексеме *Propriétaire*.

Наиболее важным выводом анализа языковой концептуализации власти можно считать идею объединения власти и собственности в единое целое, что означает существование в обыденном русском экономическом сознании когнитивной пресуппозиции монополии власти на ресурсы хозяйственной (экономической) деятельности государства и личности. В перспективе исследование всего лексического пространства «отношения к собственности» в русском языковом сознании с помощью метаязыковой рефлексии даст возможность осознать, какие «подсказки» навязывает язык по отношению к собственности носителю русского языка и культуры.

Литература

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта [в 3 т.] / А. С. Ахиезер. – М., 1991. – 318 с.
2. Бабаева Е. В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Елена Викторовна Бабаева. – Волгоград : Перемена, 1997. – 22 с.
3. Виноградов В. В. История слов/ Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык: история и современное состояние». Институт русского языка РАН/ Отв. ред. чл.-корр. РАН Н. Ю. Шведова. – М. : Толк, 1994. – 1138 с.
4. Новиков А. В. Об особенностях развития отношений собственности в России / А. В. Новиков // Проблемы современной экономики. – 2007. – № 1(21). – С. 329–333.
5. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета / Т. Б. Радбиль. – М., 2010. – 328 с.
6. СД – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. – М. : Русский язык, 1981–1982.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. [Электронный ресурс]. Вып. 1–28 (1975–2008). – Режим доступа : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>. – Загл. с экрана.
8. СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. В 4 томах. – Второе издание. – Санктпетербург, 1867.
9. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М., 1990. – 336 с.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М. : Рус. яз., 1999.

Яроцька Г. С.

ВЕРБАЛІЗАЦІЇ СТАВЛЕННЯ ДО ВЛАСНОСТІ В ІСТОРІЇ РОСІЙСЬКОЇ ЛІНГВОКУЛЬТУРЕ

Метою цієї роботи є аналіз мовної об'єктивзації когнітивних ознак «власності» в історичній перспективі. Матеріалом дослідження були відомості тлумачних словників давньоруської мови. В результаті проведеного аналізу зроблено висновки про наявність ідеї об'єднання влади і власності в мовній свідомості в єдине ціле, що, можливо, свідчить про архетипічну межу, яка збереглася в сучасній ро-

сійській мовній свідомості – когнітивну пресупозицію монополії влади на ресурси господарської (економічної) діяльності держави й особистості в буденній економічній свідомості носіїв російської лінгвокультури.

Ключові слова: власність, давньоруська мова, лінгвокультура.

Yarotskaya G. S.

LANGUAGE OBJECTIFICATION OF ATTITUDE TO PROPERTY IN THE RUSSIAN CONSCIOUSNESS: DIACHRONIC ASPECT

Summary. The article analyses the linguistic objectification of cognitive signs of «property» in the Russian consciousness. Explanatory dictionaries' data of the Old Russian language we used as the research material. The analysis concludes that in the linguistic consciousness there exists the idea of the combination of power and property in one concept that probably says about the archetypal feature, which is inherited in the modern linguistic consciousness, that is cognitive presupposition of monopoly «ownership» of authority on economic resources in everyday economic consciousness.

Keywords: property, the Old Russian language, lingvoculture.